

- - [Прот. Е. П. Аквилонov](#)
      - [§ I*](#).
      - [§ II](#)
      - [§ III](#)
      - [§ IV](#)
      - [§ V.](#)
    - [Примечания](#)
      - [*](#)
-
-

Введение

Речь в «Русском Собрании», произнесенная 2 февраля 1909 г., по случаю 40 дня после кончины пастыря.

Параграф [I](#) [II](#) [III](#) [IV](#) [V](#)

Прот. Е. П. Аквилонov

**Мысли о. Иоанна Кронштадтского о воспитательном
значении слова Божия**

Чрезвычайно редко даже и выдающиеся личности так скоро озаряются таким необыкновенно светлым ореолом величия и славы, в каком является пред нами в Бозе почивший кронштадтский пастырь. Всего только сорок дней протекли со времени его *блаженной* кончины, — и что же? За этот, более, чем короткий срок, пред еще заплаканными взорами всего православного мира чрезвычайно-симпатичный облик досточтимого о. Иоанна уже начинает проявляться с характерными очертаниями, свойственными «первенцам» торжествующей Церкви ([Евр.13:23](#)). Подлинно, *память праведных с похвалами* ([Прит.10:7](#)), особенно в наши *лукавые дни* ([Еф.5:16](#)) крайнего *оскудения преподобных* ([Пс.11:2](#)) и ужасающего разлития доселе неслыханных пороков и всяких злодеяний. Драгоценнейшее из всех сокровищ — человеческая жизнь, — даже и она потеряла свою былую прелесть, почему многие, отчаявшись в достижении лучшей участи, решаются на последний исход — самоубийство.

Только для близоруких не очевидно, что мы переживаем ужасную критическую эпоху, подобную той, которая непосредственно предшествовала появлению в мире христианства. Изверившиеся в себе самих и в естественных средствах спасения люди, в таком случае, начинают осматриваться вокруг себя, — не увидят ли где-нибудь посланника Божьего, и не преподаст ли он им духовного врачевания и утечи?

Что нам делать? — спрашивал некогда народ всякого звания и состояния у крестителя Иоанна ([Лк.3:10](#)), и последний то громом обличения, то благими советами отвечал на отчаянные вопли. Подобное происходившему на иорданских берегах переживается нами и теперь, но только на берегах финских. Сколько тысяч людей с таким же вопросом: «что делать нам?» — обращалось к нашему о. Иоанну в продолжение его полувекового священнослужения, и какие тьмы их потянулись к его еще свежей могиле! Да и настоящее собрание не потому ли так необыкновенно многочисленно и не потому ли так оживленно прислушивается к речам об о. Иоанне, что жаждет услышать от почившего, из его вдохновенных творений, слова мира и утешения в своих тревожных думах и в тяжелых испытаниях? Психологически это вполне понятно: ведь он так еще недавно, как бы «вчерашний день, беседовал с нами», ведь он — сын нашего века, *был нам подобострастен* ([Иак.5:17](#)), — и, вот, народным голосом уже *причислен к сынам Божиим, и жребий его со святыми!* ([Прем.5:5](#)). Понятно и по существу дела, ибо приснопамятный пастырь «право правил слово» Христовой «истины».

Не задаваясь недостижимой, по недостатку времени, целью — изложить полностью учение о. Иоанна об устройении христианской жизни, ограничимся приведением на память только некоторых, наиболее ценных, его мыслей *о воспитательном значении слова Божия*.

В настоящее время особенно необходимо говорить об этом первостепенной важности предмете. Гордый своими открытиями и завоеваниями в разнообразных областях знания, современный человек слишком высоко *воздвиг главу свою* ([Пс.82:3](#)) и стал высокомерно смотреть на благодатные средства спасения. Рабски преклоняясь пред ошибочными словами многочисленных лжеучителей, он дошел чуть не до полного забвения об *едином Учителе* — Христе ([Мф.23:8](#)). Мало того, вот уже несколько лет, продолжается усиленная атака против православной Церкви. С крайним озлоблением современные неверы и особенно фанатические иудеи принялись за позорное дело — развенчать Христа в его богочеловеческом достоинстве (подробности указаны в нашей брош.: «Иудейский вопрос». СПб., 1907). Книжный рынок наводнен произведениями отрицательной литературы, в сопутствии самой цинической порнографии.

И вот, в то время, как книжные полки обвисли от неподвижно лежащих на них серьезных

сочинений, — пропитанные насквозь всякою мерзостью безнравственные произведения покупаются нарасхват и взрослыми, и малыши. Убийственным ядом заражаются целые поколения, загубляются молодые души, и, подобно вулканической лаве, по лицу русской земли разливаются атеистические, нигилистические и развратные учения, гибельные плоды которых — небывалая прежде распущенность учащихся, неповиновение начальству, попрание божеских и человеческих законов, непочитание родителей, поразительный упадок целомудрия и нравственности, душевное одичание и огрубение, а в низших слоях общества к этому еще присоединились пьянство, убийства, беспорядки, забастовки и крайнее экономическое обнищание.

Таковы плоды «гнилого слова» человеческого, которое, если ему не противодействовать, удесятерит их, и будут *последняя горша первых* ([Мф.12:45](#)). Могучим противоядием современным лжеучениям служит слово Божие, Св. Библия. Оно служит *неистоцимым сокровищем для людей*, пользуясь ею, они *входят в содружество с Богом, посредством даров учения* ([Прем.7:14](#)).

Говоря о воспитательном значении Библии, мы не ограничиваем сферы её воздействия только одним молодым поколением. Как православная Церковь предназначена для всех возрастов, так и слово Божие воспитывает не одних только малолетних, но и взрослых — от колыбели до смертного часа. Все мы, от мала до велика, — овцы единого Пастыря, идущие за Ним к вечным пажитям ([Ин.10:5, 10](#)). И еще кто знает: взрослые ли нуждаются более в христианском воспитании, или дети, являющиеся предметом воспитания со стороны взрослых? А если послушать псалмопевца, то он ублажает не младенца и не юношу, а мужа, *поучающегося день и ночь в законе Господнем* ([Пс.1:1-2](#)). Таким, именно, «мужем» был и досточтимый о. Иоанн. Измлада воспитанный на слове Божиим ([2Тим.3:15](#)), он в продолжение целой жизни своей поучался ему день и ночь, немолчно возвещал его своим слушателям и осуществлял его делами веры и милосердия. Вот почему оно сделалось для о. Иоанна неистоцимою сокровищницею его религиозных мыслей и высоких вдохновений и было дорого ему *паче тысяч злата и сребра* ([Пс.118:72](#)).

«Наша спасительная и богооткровенная вера, — по словам кронштадтского пастыря, — изложена в писаниях так точно в существе и подробностях, что нельзя ни прибавить что-либо к существу истины, ни убавить без вреда для нашего спасения» (Слов. 1907, 27). «Простые и интеллигенты! разумеете, что говорит слово Божие. В нем никогда не было ни одного праздного слова» (ib., 107).

Поэтому должно отбросить в сторону всякие сомнения в боговдохновенности Библии. «Когда усумнишься в истине какого-либо лица или события, описываемого в Св. Писания, тогда вспомни, что все Св. Писание боговдохновенно есть, значит, истинно, и в нем нет вымышленных лиц, басней и сказок. *Все слово Божие есть единая истина, целостная, нераздельная*; и если ты признаешь за ложь одно какое-то сказание, изречение, слово, — ты погресишь против истины всего Св. Писания» («Моя ж.» 1, 102), подобно тому, как *соблюдающий весь закон и согрешающий в чем-нибудь одном*, — по учению св. ап. Иакова, — *становится виновным во всем* ([Иак.2:10](#)).

Сам всегда необыкновенно живой и вдохновенный, о. Иоанн хочет и в духовных руководителях видеть самоотверженных деятелей и обращается к ним с таким пламенным увещанием: «*Духа не угашайте*, — говорит слово Божие ([1Сол.5:19](#)). Помни это всякий христианин, особенно священник и наставник детей. Нужно всегда гореть духом при нашем высоком служении Богу и человечеству. Как много сделали бы мы для Бога, для людей и для себя, если бы с верою и любовью, с усердием, с горячностью и энергией занимались своим делом!» («Моя ж.» I, 148).

«Велико и существенно-важно исполняемое воспитателями дело. Но для того, чтобы оно было во всем благоуспешно, — должно утверждаться на вере во Христа, *иметь в основе своей Его божественное учение*, и совершаться под покровом и водительством св. Церкви. Пусть, поэтому, божественное учение Спасителя, преподаваемое в Законе Божиим, будет стоять во главе всех ваших уроков не по имени только, а и действительно, на самом деле. Только тогда вы станете верными слугами Царя и Отечества. Верую во Христа живите и будьте истинными чадами православной Церкви» (Сл. 1899, 71—72).

Исходя из догмата о грехопадении, повредившем ум, волю и сердце человека, о. Иоанн справедливо указывает на необходимость для каждого из нас *«воспитывать в себе полного человека, а не частичного, т. е., просвещать, образовывать и совершенствовать все три силы души: разум, сердце и волю, а не один только разум — стихийным просвещением и образованием»* (Сл. 1899, 18).

Наилучшим средством к воспитанию *цельной* человеческой личности служит слово Божие, потому что *«книги Ветхого и Нового Завета — самая достоверная истина и первое необходимое основное знание для духовной жизни христианина, а потому с них и начинается обучение детей всякого звания и состояния, и самих царских детей»* (Ответ пастыря Церкви Л. Толстому, см. Сл. 1903, 152). *«Мы все с детства знаем историю Ветхого и Нового Завета и получили от изучения их самое всеоживляющее спасительное знание и высокое религиозное наслаждение»* (ib. 133).

К глубокому сожалению (рассматривающего преподаваемые детям предметы) проповедника, *«в учебных заведениях наука о Боге дают мало места; почти все время предоставлено внешним наукам. Подкапывающее жизнь тысячелетнего Древа — России зло происходит от того, что семейная жизнь у многих совершенно утратила христианский характер, проходит без молитвы, без креста, без чтения Евангелия. Отсюда крайняя расшатанность общественных нравов и иногда, на виду детей, безнравственная жизнь родителей, а отсюда — неуважение и неповиновение детей, или крайняя скорбь и растерянность их, не знающих, где приклонить голову; отсюда и погоня за легким приобретением, недобросовестность, вероломство, обманы, умножение болезней, внезапные смерти»* (Сл. 1982, 79. 80).

«К вам, любезные дети, обращаюсь с моим словом: растите и зрейте во благодати Божией и, *яко новорождени младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о нем возрастете во спасение (1Пет.2:2)*. — *»Какое словесное, не прелестное, т. е., не прельщающее, но приносящее здравие и крепость душе молоко? Это — особенно Божие слово, Евангелие, Божий Закон, основание всякого благополучия человеческого, временного и вечного; а затем и прочие полезные науки, образующие ваш ум и доставляющие вам полезные и приятные сведения. Полюбите их. Всего больше позаботьтесь о стяжании, или о поддержании детской чистоты сердца, ибо чистые сердцем Бога узрят* (Сл. 1896, стр. 300).

Рассуждая о превосходстве *живой воды (Ин.4:10)* над «мертвой» (ср. [Иер.2:18](#)), — слова Божия над человеческим суемудрием, проповедник обращается непосредственно к совести слушателей с следующими животрепещущими вопросами.

Можно ли утолить жажду души бессмертной чтением одних светских книг, или скороспелых газетных листов, или многостатейных журналов, трактующих только о земном, житейском и часто очень суетном? Не делает ли вам душа ваша запроса на другие, высшие знания, не здешнего только, видимого мира, но мира высшего, духовного, как и сама она принадлежит к иному миру, в котором находится истинная её жизнь? Не жаждет ли она познать первоисточника нашей жизни — Бога? Прочтите в простоте сердца и веры св. Евангелие, или прежде всего помолитесь тайно Господу, дающему всем не лукаво мудрствующим разумение

слова Его, — и вы тотчас узнаете, какой это чудный источник живой воды, текущий в жизнь вечную» (Сл. 1902, 77).

«Словесные твари-человеки! обращаюсь к вам с вопросом: *что значат эти два слова: слово Творца первым человекам и ложное слово человекоубийцы-диавола им же?* Одно слово — правое, живое, зиждательное, а другое — лъстивое, мечтательное, омрачающее. Что было последствием послушания слову врага? Не смятения ли всякие в мире, тревога совести, неверие, безбожие, безначалие, своеволие, зависть, крамолы, убийства, татьбы, хищения, пьянство, сквернодействие и всякое насилие? А какие *последствия послушания слову Божию?* *Вера, мир, порядок общественный, кротость, послушание, воздержание, мудрость, благость, мужество, милосердие*» (Сл. 1907, 164).

Находящийся под перекрестным огнем многоразличных искушений и напастей, особенно происходящих от *исконного человекоубийцы (Ин.8:44)*, христианин имеет *непобедимое оружие в слове Божию (Еф.6:17)*, которым Спаситель поражал диавола в пустыне (*Мф.4:1-11*). «Будучи ипостасным Словом Бога-Отца, Сам Господь научает нас при искушениях так же бороться с врагом словом Божиим, как самым сильным оружием, и высоко ценить слово Божие, читать и слушать его, руководствоваться им во всей жизни нашей. Нынешние христиане, так именуемые, совсем забросили и забыли слово Божие и занимаются только периодическою печатью и оттого, сделались плотяными, духа не имущими» (Соз. подв., 52—53). «На моих глазах, — печалуется проповедник, — как развращаются дети, как изменяются быстро к худшему, делаясь нравственными уродами, отталкивающими от себя!» (ib.73).

Потрясенный до глубины души ужасною действительностью, этим разлитием всевозможных пороков и преступлений, проповедник подымается подчас на высоту пророчески-вдохновенного (ср. *3Цар.19:10*) обращения к Богу. «*Господи!* — восклицает он в одной из своих проповедей, — *где Твое Евангелие*, это слово о царствии небесном, слово о вере и покаянии, слово мира, слово жизни вечной, слово во всякой йоте истинное, непреложное, неизменное, спасительное, радостное и животворное для всех верующих искренно? *Оно удалено из всех жилищ* и читается ежедневно только в Церкви; а без него человек ходит в тьме и не знает, куда идет, *потому что тьма ослепила ему глаза*» (*1Ин.2:11*). «Слово человеческое читается с жадностью и величайшим интересом, а к спасительному слову Божию пропал в людях всякий интерес!» (Сл. 1907, 145).

В последнее время довольно часто приходится слышать не только о бесполезности, но и о вредности для учащих преподавания им священных книг ветхого завета. Несомненно, произросший на почве невежества и недоразумения, этот *ложный взгляд на воспитательное значение ветхого завета* довольно огорчал о. Иоанна, который счел своим пастырским долгом выступить на энергическую защиту напрасно приниженных ветхозаветных книг. По справедливым словам проповедника, «*ветхозаветные писания разительным образом доказывают истину православной веры чрез сбытие прообразований и пророчеств ветхозаветных в новом завете; доказывают верность Божию Своим обетованиям и божественное происхождение писаний ветхого и нового заветов. Спаситель подтверждал неоднократно божественность предсказаний, говоря: «да сбудется» и «совершишася»* (Мысли о Церкви. 111, 183).

Кроме того, и «*Богослужение* нашей Церкви состоит из *писаний ветхого и нового заветов* для показания истины, спасительности, величия и божественности хр. веры, ибо она есть сбытие всех ветхозаветных обетований, пророчеств и прообразований, данных прародителям, праотцам и пророкам» (ib. 194).

«Много веков оглашает св. Церковь боговдохновенными *песнопениями Давида* христиан на всех службах, и сладость их, *польза их для душ благочестивых, неисчислима*: они руководят всех

к молитве, преданности Богу, славословию и благодарению Бога за все; они просвещают, питают, услаждают и укрепляют души верующие, прогоняют невидимых врагов, врачуют душевные страсти, научают любить Бога и хранить Его заповеди, молиться за всех и непрестанно **ВОЗНОСИТЬСЯ** к Богу» (Сл. 1900, 26).

В ясном и твердом исповедании той истины, по которой *государство не может быть представителем только одних материальных интересов общества*, потому что, в таком случае, оно лишило бы само себя духовной силы и отрешилось бы от внутреннего единения с народом, православно-русский пастырь, несравненный по высоте и силе своего здорового патриотизма, о. Иоанн выступает пламенным поборником той, к несчастью, попираемой теперь у нас истины, что государственная мощь возрастает прямо пропорционально начавшемуся усилению духовного представительства в нашей Империи и глубокой веры в зиждательное значение для неё православной Церкви. Да и в самом деле, не этими ли только условиями, по словам одного недавно почившего государственного деятеля, «поддерживаются и укрепляются в народной среде и в гражданской жизни чувство законности и доверие к государственной власти? Ни начало государственной целостности, общественного блага или пользы, ни даже нравственное начало сами по себе недостаточны к утверждению прочной связи между народом и предрержащею властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, не имеет глубокого корня в отрешении от религиозной санкции. Этой центральной, собирательной силы, несомненно, лишится такое государство, которое, во имя беспристрастного отношения ко всем верованиям, само отрекается от какого бы то ни было верования» (Победоносцев К. П., Московск. Сборник, Москва, 1896, стр. 15).

Поставив эпитафией своего слова в день рождения Государя Императора Николая Александровича евангельский текст: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть (Ин.1:3)*, проповедник заключает: «итак, все, цари и подданные, всякий возраст и оба пола обязаны благобытием своим благодетельному Промыслу о нас, Ипостасному вечному Слову, Господу нашему Иисусу Христу. Но с бытием каждому из нас указана от Творца нашего и великая цель бытия, и даны различные таланты, т. е., всякие силы естественные и благодатные, духовные и телесные, к достижению предназначенной цели, и мы должны наполнять свою жизнь соответственную каждому из нас доброю деятельностью, по роду обязанностей своих и звания своего. Есть у всех нас обязанности христианские, семейные и общественные; исполнением этих обязанностей и должна быть наполнена вся наша жизнь на земле. Мы живем на земле для неба».

После краткого перечисления христианских обязанностей по отношению к православной Церкви, о. Иоанн переходит к изложению наших *обязанностей по отношению к Царю и Отечеству*. «Так как мы — члены великого гражданского тела, т. е., Русского Государства, и верноподданные Монарха России, то обязаны и *Бога бояться и Царя чтить (1Пет.2:17)*, по слову апостола, или *воздавать Кесарево — Кесарю, а Божие — Богу (Мф.12:17)*, с благоговением и беспрекословно повиноваться Царю и властям от Него поставленным, *да все тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте (1Тим.2:2)*, в мире и безмятежии, каждый добросовестно исполняя свои обязанности. А как Государство состоит из множества семейств, и семья есть как бы малая ячейка в государственном улье, от блага которой более или менее зависит весь государственный пчельник, то каждая семья и по совести и по писанному закону Божию и по требованию разума и ради собственного блага своего должна жить, трудиться и развиваться мирно и благочестно со страхом Божиим» (Сл., Кроншт. 1903, стр. 47—49).

В другом слове, на тот же высокаторжественный день, проповедник-патриот поучает слушателей истине *происхождения царской власти*. На основании слов псалма: *царство Твое — царство всех веков, и владычество Твое во всяком роде и роде (Пс.144:13)* он приходит к

заклучению, что *только Бог может уполномочивать избранного человека на царство* и вручать ему самодержавную власть, облекая славою, величием и силою. *Владеет Вышний царством человеческим*, — говорит пророк, — *и кому хочет дает его* ([Дан.4:14](#)). Посему *цари восходят на престол, коронуются, миропомазываются и царствуют на земле по божественному праву*. Так было в ветхом завете, до пришествия Христа, вечного Царя, так и в новом, по пришествии Его на землю, при житии и учении Его на земле; и Он Сам, Царь неба и земли и всякой твари, повиновался по человечеству царской власти, и повелевал воздавать ей должное почтение и повиновение» ([Мф.22:21](#)). (Новые слова, Кроншт. 1905, 95).

Апостольским увещанием: «будьте покорны всякому человеческому начальству Господа ради: Царю, как предержавшей власти, правителям, как от Него посылаемым для наказания преступников и для поощрения добродетельных» ([1Пет.2:13-14](#)), по мнению о. Иоанна, осуждается «многочастное и многочисленное правление народное», которое «никогда не было постоянным и общепризнанным правлением в мире». Иное дело — монархия. «*Царь (земной) есть образ Царя небесного*: Бог един и Царь един. И напрасно враги самодержавия усиливаются подкопать царский его престол. Сам Господь утверждает его силою Своею» ([Пс.20](#), lb. 95—96).

Твердое и дышащее горячим убеждением в своей правоте слово кронштадтского, или, вернее, *всероссийского* пастыря свидетельствует о *необыкновенно великом значении слова Божия для воспитания в православных подданных чувства благоговения пред Царским Самодержавием*. Приниженное теперь и забитое, несознанное и неясненное, оно пока еще нуждается в заботливом за собою уходе, в самой тщательной культуре, особенно, в период несущихся к нам с запада всяких утопий и лжеучений. И, может быть, уже не далеко то время, когда, пресыщенные до тошноты отрицательными доктринами, русские люди перейдут к *положительному* творчеству и, наконец, по достоинству оценят только у них — из всех христианских народов — сохранившееся самодержавие. «Как умно, — замечает в одном своем трактате («О лиризме наших поэтов») Гоголь, — определял Пушкин значение полномочного Монарха!» «Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и, даже, выше самого закона? Затем, что закон — *дерево*; в законе слышит человек что-то жесткое и не братское. С одним буквальным исполнением закона далеко не уйдешь. Нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. *Государство без полномочного Монарха — автомат*, то же, что оркестр без капельмейстера, уже один взгляд которого достаточен на то, чтобы умягчить какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак — барабан или неуклюжий тулумбас» (Гоголь Н. В., Сочинен., изд. 14-е А. Маркса, Спб., 1898, т. V, стр. 46—47).

Оставляя в стороне других свидетелей, заметим пока одно: российское Самодержавие высоко ценил великий учитель и священник Русской Земли, одно из лучших украшений её Церкви и Царства, её печальник и нравственно-возвышенный гражданин-верноподданный. А это, ведь, — не мало важное обстоятельство. В своей светлой личности наш досточтимый пастырь явил *образец истинного, на слове Божиим, воспитанного, патриота!*

Чуткий к различным запросам бурной современности, о. Иоанн касается в проповедях так же и *стремления женщин к равноправию с мужчинами*. Проповедник смотрит на это все более и более усиливающееся стремление довольно отрицательно. Но ошиблись бы те, считающиеся у нас «передовыми», деятели, которые упрекнули бы проповедника в отсталости от «нашего просвещенного века». Вопрос о женском равноправии напрасно решают в смысле предоставления прекрасной половине идти по проторенным мужчинами тропам. Не повторять или копировать мужчин должны «равноправные» женщины, а свободно развить и приложить свойственные их полу таланты к делам *особой* области. «Не взирая на сделанные в пользу

женского равноправия концессии, все-таки, мужчины и женщины не одно и то же», — замечает один из выдающихся моралистов нашего времени. «Уже телесный организм их указывает на телеологическое различие, игнорировать которое было бы верхом безрассудства» (Bruce W. S., *Social Aspects of Christian Morality*. London, 1905, p. 62, 63).

Твердо держась библейской почвы, о. Иоанн в слове на день рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны останавливается на евангельском тексте: *Мария же благую часть избра, яже не отыметя от нея* ([Лк.10:42](#)), и потом спрашивает: «какой урок лицам женского пола преподает Господь в этом Евангелии? Нельзя не заметить, что современный им женский пол, особенно так называемый интеллигентный, печется и молвит о многом, о чем не должно, и оставил то, что *едино на потребу*, оставил свое прямое женское назначение и взялся за рассуждение и дело, ему не принадлежащее. Место и назначение девицы или женщины указано и Богом и природою *в семье, в домашнем обиходе*; в пособии матери в домашнем хозяйстве и в хр. воспитании себя и семьи; для того она рождена, для того даны ей способности, для того дано ей доброе, мягкое, сочувственное сердце, особенно способное к восприятию веры и благочестия» (Сл. 1903, 118—119).

Не в одном великом, но и в малом, короче, *во всей человеческой жизни*, с тысячью входов и выходов, слово Божие, по мысли о. Иоанна, служит тем, чем было оно для псалмопевца: *светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* ([Пс.118:105](#)). «Встал с постели, — перекрестись и скажи: «сподоби, Господи, в день сей без греха сохраниться нам» (из утренн. славословия); моешься — говори: *омыеши мя, и паче снега убелюся* ([Пс.50:9](#)); надеваешь белье, — думай о чистоте сердца и проси у Господа чистого сердца: *сердце чисто созижди во мне, Боже*; обнову сшил и надеваешь ее, думай об обновлении духа и говори: *дух прав обнови во утробе моей* ([Пс.50:12](#)); идешь ли куда, думай о правости духовного хождения пред лидером Божиим и говори: *стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие* ([Пс.118:133](#))... Подлинно, *благочестие на все полезно* ([1Тим.4:8](#)).

«Безрукий, — замечает в одном месте своего сочинения «О героях» Карлейль, — может ходить, пока еще у него остаются ноги; но без нравственности его рассудок беспомощен; а совершенно immoralный совсем уже не в состоянии ничего знать. Прежде, нежели узнать какой-либо предмет, для этого требуется полюбить его и ему симпатизировать, т.е., находиться к нему в *реальном* отношении» (Carlyle Thomas, On Heroes, Hero-worship and the Heroic in History, London, 1904, p. 99). Вся жизнь о. Иоанна представляет собою непрерывный подвиг *деятельной любви* — высшей «богословской» добродетели ([1Кор.13:18](#)), а это обстоятельство чрезвычайно важно в деле постижения христианской истины.

Олицетворяемая в живом Боге-Спасителе ([Ин.14:6](#)), эта истина сама, прежде всего, возлюбила нас от создания мира ([1Ин.4:4, 19](#)). Но мы-то, в ограниченности своей греховной природы, далеко не всегда на эту любовь отвечаем любовью. Очень многие почти совсем не восприимчивы к истине, а наперед должны еще сделаться таковыми, чтобы и последняя, в свою очередь, явилась пред ними в своей бесподобной красоте. А тот, духовное око которого еще не просветлело до созерцания христианской истины, не может ни путем научных доводов, ни каким-либо иным способом постигнуть ее; тем более такой не в состоянии, хотя бы и хотел того, формировать научное основание истины или опытного с ней ознакомления: *ученость глупых — глупость* ([Притч.16:22](#)). Другими словами: твердое христианское убеждение возможно только под условием предшествующего ему религиозного *опыта*. Один из замечательных древних подвижников эту же мысль выразил следующим афоризмом: «слова божественного писания *читай делами*» (св. Марк † в 5 в., знавший наизусть Ветхий и Новый Завет. См. *Добротолубие* в рус. пер. Спб., 1877, т. I, стр. 407, 463).

Сам прошедший сквозь горнило различных испытаний, пастырь с богатым духовным опытом, читавший писание «делами», с великим огорчением не замечал этого в других. «Отчего же, — спрашивает он, — отчего *нынешние интеллигенты пренебрегают единственною книгою вечной Премудрости Божией*, простою и доступною для всех? *От гордости, суемудрия, неверия, от превратного ума и нечистого сердца и от дурно направленной, плотской воли*. Чего человек плотяной сильно ищет, то и находит: земной — земное. Живая вода преподается только Жизнодавцем-Христом, а Он дал ее для обильного раздаяния Своей Церкви, чтобы все приходили к ней и почерпали эту живую воду, читая или слушая и *понимая по её божественному разуму Слово Божие*» (Сл. 1902, 79).

В другом месте проповедник указывает на *причину оскудения любви* в современном обществе. «Истинную любовь к Богу — говорит он, — теперь трудно найти в людях от того, что люди избирают себе учителем любви не евангелие, не Церковь Божию, а людей подобных себе, о коих говорит апостол: *будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху*» ([2Тим.4:3](#). Сл. 1902, 52).

По причине тесной связи между здравым учением и христианскою жизнью и указанного Самим Спасителем генетического примата последней над первым ([Ин.7:17](#): *кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно*), не всякому безразлично дается истинное понимание слова Божия.

"Правильно богословствовать о Боге может не всякий человек, а только истинный христианин, очистивший себя от всякие скверны плоти и духа, и на основании богооткровенного евангелия. В противном случае, т. е., если бы кто из мирян, не имеющий смирения и мнящий много о своем уме и учености, дерзнул мудрствовать и писать о Боге не на точном основании евангелия, а по своему измышлению, — как наш русский богоотступник и

богохульник граф Л. Толстой с своими единомышленниками, — то он впал бы в крайнее заблуждение и ересь, ведущую в погибель вечную. *Да, мудрствовать о Боге может только чистый сердцем и обучившийся только от истинных богословов, каковы св. апостолы и отцы и учителя Церкви»* (Сл. 1902, 98—99).

Для всякого, хотя немного знакомого с основными правилами православной герменевтики, очевидно, что кронштадтский пастырь твердо стоит на почве церковного предания, по которому *священные книги должно читать в том духе, в каком они написаны*. Одним знанием вокабул, синтаксиса, словоупотребления, времени и места написания, — при всей, несомненно, великой пользе всех этих сведений, — еще не дается Духа Божия. От православного христианина, при чтении библии, требуется совсем противоположное тому, что некоторыми свободомыслящими богословами поставляется в качестве необходимого условия истинного её разумения. В настоящем случае мы имеем в виду пресловутую и чисто протестантскую свободу от всякого авторитета (*Voraussetzungslosigkeit*), приведшую реформированные общины к довольно низменному взгляду на св. писание. В интересах чистоты веры и жизни православная Церковь, наоборот, утверждает за собой, — и только за одною собой, — право и долг непогрешимой истолковательницы Божьего слова, которой принадлежит истинная норма, или «*правило веры*» — ὁ κανὼν τῆς πίστεως, *regula fidei* (подробности словоупотребления см. у Th. Zahn'a, *Grundriss der Geschichte des neutestam. Kanons*. Leipzig, 1901, s. 1—14). Применением названного «канона» к чтению библии обеспечивается правильное её понимание, «истинное знание» (ἐπιστήμη ἀληθῆς) которого не могут достигнуть церквеотступники, вынужденные довольствоваться только одними шаткими мнениями (οἰήσεις, см. Clem. Alex., *Strom.* VII, 17). Божий Дух, а не дух человеческий должен служить нам правилом и нормой истолкования библии. Она — Его творение, и только Он один ясно озаряет её подлинный смысл. А без Его озарения она окажется загадочным иероглифом, о смысле которого возникнут бесконечные споры, — книгою за семью печатями, Откровением, ничего не открывающим.

В порядке мыслей досточтимого о. Иоанна мы достигли наиболее «пререкаемого» вопроса *о согласовании авторитета церковного предания с свободой* богословского исследования. В переживаемое нами смутное время, с его отчаянной борьбой за всякие «свободы», значительно понижен смысл даже и таких выражений, которые нисколько не умаляют, а, наоборот, только обеспечивают свободу. Что же касается самого термина «авторитет» (*auctoritas*, от *augeo*, кор. *aug* «умножать, увеличать, усиливать», например, жизнеспособность, влияние и т. д.), то, казалось бы, следовало только приветствовать его наличность в церковном предании. Иное дело, если бы последнему он был совершенно чужд. Что за бессильное, что за беспомощное и бесполезное предание без авторитета! Так обстоит предмет в своем идеальном предназначении и до неузнаваемости другим является он в фактической действительности.

Позвольте мне на время, ради великого интереса затронутого вопроса, уклониться немного в сторону от проповеднической кафедры кронштадтского пастыря, но только затем, чтобы ответить на сделанный ему упрек (я это слышал много раз) в крайнем обскурантизме. Впрочем, сделанный ему упрек не относится ли и к нашей «парализованной» Церкви? Не отстала ли она от просвещенного века? Не заглушает ли родник живой мысли? Не гасит ли богословскую мысль и просвещение? В самом деле, авторитет и свобода не взаимоисключающие ли понятия?

Прежде всего дадим небольшую историческую справку. Никто не станет отрицать того, что 4-й век справедливо называется «золотым» по беспримерной продуктивности и свободе богословского исследования. Три знаменитых вселенских святителя — это великолепная слава всего христианского мира, в которой участвуют также и другие знаменитые, хотя и несколько меньшие, светила богословской науки.

И вот, эти-то первоклассные мыслители-богословы являются ревностными защитниками церковного предания против всех, посягавших на его авторитет еретиков и церквеотступников! Подчинение последнему служило св. отцам неизменным руководством в их богословских исследованиях и построениях, доселе еще поражающих нас необыкновенною плодovitостью и свежестью мыслей, а также и удивительною свободой богословского созерцания. Если бы предание служило для последнего железными путами, то едва ли даже и «великие» отцы были бы в состоянии так высоко «возлетать по области заочны».

Подобно магнитной стрелке или ночным звездам, указывающим правильный курс плывущим по капризной морской стихии, *церковное предание освещало верный путь церковному кораблю*, — и плыл он, под руководством богопоставленных кормчих, по житейскому морю, как плывет и теперь, пока не достигнет тихой пристани в блаженной вечности. Ни компас, ни звезды не стесняют «свободы» мореплавания, а только нормируют ее. Подобно этому и церковное предание служит только условием правильного движения христианской жизни и мысли.

В этом смысле следует разуметь известное изречение ап. Павла: *буква убивает, а дух животворит* ([2Кор.3:6](#)), — изречение, следующим образом перифразированное бл. Августином: «искать богопознания в книгах — все равно, что искать живого среди мертвых».

Замечательное дело! Эта простая и очевидная для непредубежденного ума истина почти совершенно неведома для многих «библиолатров». Из-за деревьев они не видят леса и ошибочно полагают, что достаточно только самому — любому читателю — взять в руки библию, как эта книга раскроет пред ним все свое духовное содержание. Очевидно, до наших «свободных мыслителей» еще не доехал в своей колеснице эфиопский евнух, чтобы преподать им один полезный урок ([Деян.8:26-36](#)). А еще более замечательно то, что эта истина уже предносилась

умному взору языческого философа (Платона, 429—347 до Р. Х.). В одном из Платоновых диалогов читаем следующее: «Кто полагает оставить в письмени учение об искусстве и кто принимает его так, как будто бы посредством букв можно было придти к чему-либо ясному и точному, тот довольно наивен, если признает за написанными речами какую-либо иную цель помимо той, что они записаны для памяти одному тому, который наперед уже ознакомился с их содержанием. Неудобна, Федр, письменность в этом отношении» («Федр», рус. пер. проф. Карпова, IV, 108—109).

Действительно, «неудобна», добавим с своей стороны. Не первому попавшему в руки, особенно, иноземцу откроется истинный смысл, например, летописи Нестора, а такому русскому, который воспитан в национальном направлении и в духе православной Церкви. Не для башкир, — насельников уфимских степей, — писана и будет понятна «Семейная Хроника» К. Аксакова, а только и наиболее для принадлежащих к его поколению и воспитанных в родовых традициях.

Нечто подобное происходит и с пониманием св. Писания. Каким бы «самосветом» (αυτοφως по Герарду, см. Dorner I. A., System der Christlichen Glaubenslehre, 2-te Aufl., Berlin, 1886, I, 80) ни представлялось оно по «формальному» протестантскому принципу, в действительности ему приходится испытывать странную судьбу в западных, «свободных» от авторитета предания, общинах. «Мифическая», «тенденциозная» и «обманная» гипотезы (Mythen — Tendenz, Betrugshypothese) — таковы плоды протестантской науки, договорившейся, наконец, до признания невозможности понимать слово Божие. «Man meint, — замечает Давид Фр. Штраусс, — die Bibel zu verstehen, weil man gewohnt ist, sie nicht zu verstehen» (воображают, что понимают Библию, потому что привыкли не понимать ее. Strauss D. F., Der alte und der neue Glaube. Funfte Aufl. Bonn, 1873, s. 301). И выходит прав св. Василий Великий, охарактеризовавший современных ему еретиков словами: τεχνολογουσι, SEQ CHAPTER \h \l 1ού θεολογουσι (см. у Fr. Hettinger'a, Timotheus. Briefe an einen jungen Theologen. Zweite Aufl., Fr. i. Br., 1897, s. 461). Прав и о. Иоанн в виду наших, так же «хитрословствующих», только не богословствующих «libertins» (ср. [Деян. 6:9](#)). Он прав и вместе велик тем, что глубоко постигал и превосходно разъяснял смысл св. писания в духе предания и *благодаря преданию* православной Церкви.

Вполне естественно было воспитанному в таком предании отнестись с горькими укоризнами к извращавшим слово Божие, из которых первый — граф Л. Толстой. И, действительно, по словам кронштадтского пастыря, граф «договорился до того, что св. книги ветхого и нового Завета называет самыми вредными книгами в христианском мире, — *ужасною книгою*». При этом невольно восклицаем: *О, как ты сам ужасен, Л. Толстой*, порождение ехидны, отверзший уста свои на хуление богодухновенного писания ветхого и нового Завета, составляющего святыню и нецененное сокровище всего христианского мира!» (Отв. пастыря. 1903, 142).

«Граф Л. Толстой посягнул на истину Евангелия и всего св. писания и исказил смысл Евангелия, непререкаемо важный и драгоценный для людей всех веков. Отвергся веры во Христа, как сына Божия, Искупителя и Спасителя мира, совратил многих вслед за собою и погубил их, отвергся Церкви, основанной Христом, попрад благодать крещения, миропомазания, покаяния, причащения и всех таинств; себя по высокоумию считает судиею слова Божия и высшим критерием его, а не себя им поверяет» (Мысли о церкви, стр. 59). «Для интеллигента-толстовца нет слова Божия, по которому он должен жить, которое учит воздавать *Божие — Богу, а Кесарево — Кесарю* ([Мф.22:21](#)): Он не признает его и потому живет по влечению своих страстей, или по примеру других себе подобных» (Сл. 1904, 85). «Мгла греховная закрыла глаза многим, и они не хотят видеть Сына Божия. Выходит что-то нелепое и

непонятное: мы отовсюду озарены полным дневным светом — разумею Церковь и писания св. апостолов и св. отцов; — между тем многие не видят света, ходят во тьме, и желают быть лучше во тьме, а не во свете. Разумею здесь как безбожников и сектантов наших, так и предающихся пьянству, разврату или играм и всякой суете» (Сл. 1903, 99—100).

«Сколько принесли вреда учения Дарвина и Толстого, не говоря уже о многих других! Отсюда урок всем — никогда не пренебрегать живым семенем и источником слова Божия, питающим, напоющим и укрепляющим души человеческие и сообщаящим человеку истинную жизнерадость, и свет, и спасение, и оружие для победы над всеми страстями, и обильный источник утешения во всех скорбях, печалях и невзгодах житейских» (Сл., 1897, 34).

Так, одно и то же слово Божие для понимающих его по разуму Церкви служит к достижению положительных, а для отвергающих последний — отрицательных целей воспитания. Подлинно, предсказание старца Симеона (вспомните сегодняшнее евангелие) относится и к Богомладенцу, и к Его благовестию: *се, лежит Сей на падение и на востание многим во Израили, и в знамение пререкаемо* ([Лк.2:34](#)). Чем совершеннее какое-либо орудие, тем более пагубно злоупотребление им. Вот почему и превратное толкование библии повело наших церквеотступников к ужасным заблуждениям. *Corruptio optimi pessima!* Живоносное слово обратилось у них в «смертельный яд» Ignat, Ad Trail 6: *θανάσιμον φάρμακον*).

В своих суждениях о Л. Толстом кронштадтский проповедник до буквальности близок к преосвященному *Феофану Затворнику* († 6 января 1894 г.), по словам которого, граф Толстой — «враг Божий, сын диавола», распространяющий «суемудрые бредни» («Письма в Бозе почившего еписк. Феофана». Тамбов, 1897, стр. 114), «близкий к помешательству» (ib. 115), «слишком лукавый» и «научаемый такому лукавству бесами» (117). «В его писаниях — хула на Бога, на Христа-Господа, на св. Церковь и её таинства. Он — разрушитель царства истины. Этот бесов сын (!) дерзнул написать новое евангелие, которое есть искажение Евангелия истинного. И за это он есть проклятый апостольским проклятием» (208).

Если бы *при устех* этих двою свидетелей не стал всяк глагол ([Мф.18:16](#)), и кому-либо вздумалось упрекнуть, в лице о. Иоанна, русских богословов в пристрастии к графу Толстому и в несправедливо-строгом отношении к его учению, то следует заметить, что, всемирно известный в качестве первоклассного романиста, как богослов, Л. Толстой не стяжал себе победных лавров со стороны также и западно-европейских и американских теологов. Последние считают мудрования графа «тяжким и опасным недоразумением» (А. Harnack, *Das Wesen des Christentums*. Zw. Aufl. Leipz. 1900, S. 71: «ein plumpes und gefährliches Missverständnis»). Его софистическую экзегетику, с целью обратить нагорную проповедь в своего рода декалог, — совершенно несправедливою» (L. Ragaz, *Du sollst*. Fr. i. Br., 1904, S. 120: «ganz mit Unrecht»), и, вообще, «извращением Христовой воли» (D. Forrest, *The Authority of Christ*. Sec. Ed. Edinburgh, 1906, p. 3. «or is he misrepresenting Christ's will?»).

Если даже просвещённые члены протестантских общин упрекают графа Толстого в извращении евангельского учения, то, кажется, можно после этого понять и оценить пламенную ревность православного пастыря, подобную той, о которой читаем в псалмах: *яко ревность дому Твоего снede Мя, и поношения поносящих Ти нападоша на Мя* ([Пс.68:10](#)); *согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь* ([Пс.38:4](#)). *И подумал я: не буду напоминать о Нем. Но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и — не мог.* ([Иер.20:9](#)). *Верный до смерти* ([Апок.2:10](#)) страж дома Израилева ([Иез.33:7](#)) — врученных ему овец Христова стада, действительно, «истомился», удерживая горящую в себе ревность и — не мог, особенно, в виду некоторых, «теплохладных» своих современников ([Апок.3:15](#)), смутному сознанию которых веротерпимость предносится в виде религиозного безразличия, а церковный мир — в форме сонного квиэтизма. Подлинно, *не познаша, ниже уразумеша* ([Пс.81:5](#)).

Теперь утомленный труженик *почил от своих пастырских трудов* ([Быт.2:3](#)). Как зрелая пшеница вошел он в гроб свой ([Иов.5:26](#)). Но, по обетованию Спасителя, *если падшее на землю пшеничное зерно не умрет, то останется одно; а если умрет, то много плод принесет* ([Ин.12:24](#)), — *где сто крат, где шестьдесят, где тридцать* ([Мф.13:23](#)).

Исстрадавшаяся и духовно обнищавшая наша страна сильно нуждается в благодатном плодоношении. Довольно, пора перестать нам, ушедшим *во страну далече*, питаться нездоровыми *рожцами* ([Лк.15:13, 16](#)). Величайшая важность переживаемого момента обязывает нас запастись твердою решимостью и сказать себе: *востав, идем!* ([Лк.15:18](#)) — идем под благодатную сень православной Церкви и будем подобны тем, о которых сказано: *упиются от тука дому Твоего, и потоком сладости Твоя напоиши я!* ([Пс.35:9](#)). Будем молиться и верить, что, представательством высокочтимого пастыря о. Иоанна, *слово Божие поставится* всем нам, — как малым, так и взрослым, — *в страх* ([Пс.118:38](#)) и в спасительное руководство на многообразных путях нашей жизни. / С.-ПЕТЕРБУРГ Типография М. Меркушева. Невский пр.,

Примечания

Значение сокращенных цитат: Сл. 1907,20 — Полное собрание сочинений Настоятеля Кронштадтского Андреевского Собора, протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Новые слова. Кронштадт, 1907 г., стр. 20. — Мысли о церкви — Мысли о церкви и о православном богослужении. С.-Петербург, 1905, т. III. — Моя жизнь — Моя жизнь во Христе. СПбИ 1905, т. I. Соз. подв. — Созерцательное подвижничество. Выписки из дневника за 1906—1907 г. СПб. 1907.